

Воспоминания – это не пожелтевшие письма, не старость, не засохшие цветы и реликвии, а живой, трепещущий, полный поэзии мир.

К.Г. Паустовский

В дом-музей В.И. Ленина я приходила не один раз...

События из прошлого, как сны, которые приходят к нам в воспоминаниях: короткие и полузабытые или повторяющиеся с новыми деталями, счастливые или печальные, но всегда желанные, как наши грёзы о чём-то несбывшемся, но глубоко запавшем в память своей пронзительной ясностью и свежестью чувств.

Я пионерка!

Начало лета 1962 года. Гагарин уже слетал в космос. У наших соседей родился сын, и они назвали его Юрой, в честь первого космонавта Земли. Принимать в пионеры нас, третьеклассников, из числа хорошистов и отличников, взрослые решили в г. Ульяновске. Это была награда за старательность и ответственность в учёбе и поведении. Так торжественно и значимо было для меня это событие, что помню его в деталях. В день поездки пришлось вставать очень рано, чтобы в 6 часов утра отправиться в дорогу. Колхоз «Красная заря» выделил открытую грузовую машину. В кузов положили ворохи соломы, на неё – брезент. Уселись кучно, ближе к кабине, человек 15, сверху укрылись брезентом, как одеялом, и поехали. Дорога долгая, в пути около трёх часов. Между селом Акшутат и Ульяновском не было тогда скоростного

шоссе, ездили по грунтовой дороге, в ямах и ухабах.

В Ульяновске остановились на улице Гончарова, во дворе со старой колокольней, недалеко от магазина «Подарки». Привели себя в порядок и отправились со своей учительницей Клавдией Семёновной строем в музей В.И. Ленина на улице его имени. Было утро, но в музее мы оказались не первыми посетителями, пришлось немного подождать. Наконец освободились полотняные бахилы, за нами пришёл экскурсовод.

Меня тогда потрясла атмосфера музея, было такое ощущение, что семья Ульяновых не уезжала из дома, а просто куда-то отлучилась ненадолго. Удобный дом, где свои комнаты у родителей и старших детей, уютная детская, светлая столовая, гостиная с роялем. Простые вещи семьи казались необыкновенными: на комодке матери – Марии Александровны –

Памятник В.И. Ленину в палисаднике Акшутатской школы

шкатулка для рукоделия, дощечка для хлеба, выпиленная лобзиком руками Володи, химические колбочки в комнате Саши, бумажные солдатики в детской, большая керасиновая лампа на вязаной, кружевной скатерти в гостиной, карта мира на стене, шахматы в столовой... Мы переходили из комнаты в комнату, не смея ни к чему прикоснуться, молча и не дыша. Через двор и садик музея, забывшихся ухоженностью и чистотой, по тропинке, тогда ещё не мощённой, прошли в большое здание на соседней улице, где располагалась картинная галерея, посвящённая В.И. Ленину. В просторном зале старинного особняка, принадлежавшего до революции барону Х. Штемпелю, нас приняли в пионеры. Пионерские галстуки были заранее куплены нами, и каждый держал галстук, перекинув через ладонь, пока его не повязали нам на шею два пожилых человека, мужчина и женщина, строгие и значительные. Это были ветераны

В год вступления в пионеры

Оля с двоюродными братом и сестрой

партии большевиков, в молодые годы видевшие и слышавшие самого Ленина. У некоторых моих одноклассников пионерские галстуки были из красного шёлка, а у других – из сатины. Когда вышли на улицу, как-то не очень хотелось разговаривать – сильное впечатление от торжественности момента приглушило эмоции.

Каждому из нас родители дали немного мелочи на городские угощения – газированную воду и мороженое. Газированную воду продавали тогда из больших конусовидных сосудов с краником внизу. Добавляли в неё фруктовый сироп – по желанию на выбор. Из мороженого – шоколадный или сливочный пломбир и эскимо на палочке. Тогда, в третьем классе, я впервые попробовала мороженое. Это было эскимо. В столовую на обед нас не водили – такой роскоши никто позволить себе не мог. Мы перекусили тем, что положили в дорогу родители, и отправились в обратный путь, который уже не показался нам таким долгим – было о чём поговорить, поделиться впечатлениями об увиденном.

В тот день я возвращалась домой не короткой дорогой через пустырь и речку, а длинной – по улицам села, с единственной целью: мне хотелось, чтобы как можно больше людей увидели мой красный галстук и поняли, что я уже пионерка, и значит – взрослый, ответственный человек.

С того дня прошло 60 лет. В музее В.И. Ленина я приходила не один раз – с неизменным интересом, желанием и душевным трепетом. Ни время,

ни события разного толка не смогли внести разочарование или усталость в спектр тех чувств, в которые погружаешься в стенах этого удивительно-живого дома, где витает дух семьи. Теперь, с высоты своих 70 лет, мне не стыдно признаться, что с того самого дня в музее с пионерским галстуком на груди мне очень хотелось чем-то прославить свою страну, оставить след в её судьбе, непременно быть достойной и полезной для Родины.

К Пасхе

Даже если Пасха выпадала на ранний апрель, к этому дню в нашем доме выставляли зимние рамы. Тщательно мыли окна и начищали стёкла зубным порошком и скомканной газетой – «химии» тогда не было. В распахнутые настежь окна врывался в комнаты весенний воздух, ни с чем не сравнимый, волнующий, радостный. Один из дней перед Пасхой посвящался мытью праздничной посуды из старенького серванта. Эту ответственную работу мне доверяли уже лет с 5–6. В два тазика наливалась вода. Один предназначался для мытья с мылом, другой – для ополаскивания посуды. Потом надо было тщательно посуду вытереть, растереть до блеска мягким льняным полотенцем и расставить в уже блестящий чистой сервант. Самое чудесное заключалось в том, что посуду можно было расставить на полках по-новому, как я хочу. В этом-то и таился секрет моего счастья.

Потом начинались приготовления к великому празднику: пекли куличи, красили яйца, прикупали какие-то обнови, подарки. К каждой Пасхе мама шила мне новое платьице, чаще из ситца, с кружавчиками по подолу и воротничку. Надену платьице и бегу через дорогу к своей

Тарелка. Фарфор. Англия,
Стаффордшир, Хэнли.

Завод Дж. Л. Эшворта и братьев. 1860-е.
Досталась по наследству от прабабки

нянюшке – бабушке Насте, показаться во всей красе. Теперь, когда я вспоминаю о ней, понимаю, насколько сильно было её чувство ко мне. Оно всегда проявлялось в искренней доброте, казалось ли это припрятанной для меня сладости, куска горячего хлеба или пирога, банки земляничного варенья, моей детской фотографии в старой рамке на стене, на самом видном месте. Я помню теплоту и свет её глаз, её большие от вечной работы руки были сухими и тёплыми, а имя моё – Лёлинька – она произносила с такой лаской, что оно одно заменяло все слова любви, нежности и привязанности. Я всегда была для неё лучшей, всегда права, в любое время – желанной гостьей. Мой нежный, тихий ангел! Многие годы спустя на старом кладбище взглянули на меня с креста глаза моей бабы Насти, и сердце внезапно окутала густая и волшебная волна её святой доброты и всепрощения.

Новый год

Ёлку нам приносил каждый год старый лесник. Ближе к вечеру у каютки стояла пушистая, невысокая красавица. Её вносили в дом, и начиналось неторопливое действие украшения. Игрушки были стеклянные, многие фигурки – из толстого картона, папье-маше. Вешали на ёлку и грецкие орехи в золочёной или серебристой фольге, конфеты, бумажные флажки, раскрашенные акварелью, стеклянные бусы и вату вместо снега. На стол стелилась праздничная скатерть с кручёными кистями, на неё ставили старинную посуду прабабки: хрустальные плоские вазы с витыми ножками и вазочки для конфет, фруктов и варенья, большое блюдо для праздничного пирога. Пирог непременно был сладким, с ажурной решёткой и цветами поверху. Так тепло и уютно было на душе, тихо и спокойно на сердце, что ощущения тех дней хранятся в памяти неприкосновенным и неистраченным богатством, самой бесценной драгоценностью.

Вот так в моих воспоминаниях навсегда соединилась вера в светлое будущее и Божье благословение на прекрасную и небезполезную жизнь во имя людей и Отечества.

Ольга Чернова

Фото А. Коблова из архива
Акшугатского краеведческого музея
им. В.Н. Поливанова